

Трактаты Цицерона «О Республике» и «**О законах**» крайне ценны как памятник исторический, сохранивший многие важные сведения и подробности, главным образом относительно статусного и константного (конституционного) устройства Римской Республики.

И, наконец, названные трактаты Цицерона важны и интересны еще тем, что они дают нам представление о ряде греческих философских трудов эллинистической эпохи, которые до нас не дошли, но на которые Цицерон неоднократно опирается в своем изложении.

Трактат «О Республике» был начат Цицероном в 54 г. и опубликован, видимо, в 51 г., незадолго до его отъезда в Киликию. **Трактат «О законах», служащий как бы естественным продолжением первого труда**

, — Цицерон в данном случае, несомненно, подражал Платону, который, как известно, дополнил свою «Политию» специальным и написанным с более «практических» позиций трудом «Законы», — был начат вслед за диалогом «О Республике», т. е.

в 52 г., но, по всем признакам, не был окончен

. И хотя Цицерон в 46 г., как это явствует из его письма к Варрону, снова собирался приняться за изучение подобных вопросов (Цицерон, «Письма к близким», IX, 2, 5),

трактат

«О законах»

так и остался не доведенным до конца и не обработанным

. Во всяком случае, Цицерон сам его не публиковал: перечисляя в одном из более поздних произведений свои философские работы, он об этом трактате даже не упоминает (Цицерон, «О предвидении», II, 1).

Трактат «О законах» сохранился в двух главных кодексах (списках), восходящих к IX и X вв. Как уже было указано, это произведение Цицерона, служившее как бы дополнением к диалогу «О Республике», осталось незаконченным. К тем соображениям, которые

приводились выше как доказательства незаконченности трактата (отъезд Цицерона в Киликию, упоминание о намерении снова взяться за эту тему в письме к Варрону от 46 г. и, наконец, отсутствие названия трактата в перечне философских произведений, составленном самим Цицероном), можно добавить еще следующий аргумент: диалоги, которые Цицерон издавал сам, он обычно снабжал предисловием (Цицерон, «Письма к Аттику», IV, 6, 2); данный трактат предисловия не имеет.

Трактат «О законах» написан также в форме диалога, который, однако, происходит в современной Цицерону обстановке. Участники диалога — сам Цицерон, его брат Квинт и друг Цицерона Тит Помпоний Аттик. **До нас дошло три «книги» трактата**, но так как у Макробия есть упоминание о пятой книге (Макробий, «Сатурналии», VI, 4, 8), то некоторые исследователи предполагают, что все произведение, по аналогии с трактатом «О Республике», состояло из шести книг. Наиболее обработанной и законченной представляется первая книга диалога, дошедшая до нас в хорошей сохранности, хотя и в ней встречаются лакуны; во второй и третьей книгах многое производит впечатление первоначальных набросков.

Первая книга трактата содержит рассуждение об естественном, неотчуждаемом праве,

вторая — о «праве божественном» (*ius sacrum*),

третья — о магистратах.

Законы, изложенные во второй и третьей книгах, переданы архаизированным языком, воспроизводящим колорит старины; о содержании книг, не дошедших до нас, судить трудно, поскольку во времена империй и христианства, которое в Римскую империю "искусно вплели", **всё, что было от Республиканского Рима было стёрто, уничтожено, подложено, искажено и переписано** ...хотя))))

Наша республиканская разведка) дала запрос "куда надо", **и мы, наверное, единственные здесь** , знаем и названия трех остальных, неопубликованных книг, находящихся "в неизвестных публице местах", но для нас эти физические места хорошо известны)))

IV книга была посвящена рассуждению de potestatum iure, (парное право магистратов, или право управленцев (взаимное)

V книга — de iure publico, (Юридические права публики-"тех, кому не все равно", или публичные законы)

VI книга — de iure civili. (Юридические права полноправных граждан, или цивилизационные законы)

Общее понятие о отсутствующих книгах трактата "О Законах" можно получить из базового учебника, находящегося на втором этаже республиканской магистратуры. Для попадания на второй этаж следует пройти через первый, находящийся здесь))

<https://www.facebook.com/groups/respublica.in.ua/>

Источниками Цицерона в трактате «О законах» были Платон и Хрисипп, один из наиболее плодovitых писателей стоической школы, автор сочинения, которое тоже называлось «О законах»

Из представителей Средней Стои несомненно влияние Панэтия и, в какой-то мере, Антиоха Аскалонского (известного, к стати сказать, еще и тем, что он пытался согласовать учение Стои с Академией).

Такова, в общих чертах, картина состояния двух интересующих нас памятников, их построение и, наконец, краткий обзор источников, использованных Цицероном при работе над этими трактатами, которые представляют собой, по авторскому замыслу, нечто единое и целое и, пожалуй, могут считаться наиболее ярким выражением

политико-философских теорий, имевших хождение среди наиболее образованной, «интеллигентной», республиканской и "умеренно-консервативной" части Республиканского Рима.

Перейдем к рассмотрению последней из интересующей нас проблемы — к проблеме естественного права. Она в свое время разрабатывалась еще софистами, затем привлекла к себе внимание стоиков, но, как уже было указано выше, если и можно говорить о влиянии классических представителей стоической школы на Цицерона (в частности, о влиянии Хрисиппа), то подобное влияние едва ли было непосредственным. Ближе всего Цицерон был связан с философскими течениями II—I вв. до н. э. (так называемый «период эклектизма»).

Определение «истинного закона» как некоего правильного положения, соответствующего природе, распространяющегося на всех людей, постоянного и вечного, которое призывает к исполнению долга, приказывая, и отпугивает от преступления, запрещая, — дано еще в трактате «О Республике» (III, 22, 33). Начиная же свое рассуждение в диалоге «О законах», Цицерон прежде всего говорит о необходимости охватить вопрос в целом, т. е. **сначала выяснить самую природу права, а затем перейти к рассмотрению законов, на основании которых республика управляется, в том числе и к рассмотрению так называемых гражданских прав (iura civilia) («О законах», I, 5, 17).**

Затем следует определение: «Закон ...есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что следует совершать, и запрещающий противоположное».

Разум этот, когда он проникает в человека и укрепляется в нем, и есть закон. Следовательно, понятие права следует выводить из закона; он —«мерило права и бесправия». Что касается писаных законов, — а обычно люди только их и считают законами, — то такое толкование практически приемлемо, однако при установлении права следует исходить из того высшего закона, который, будучи общим для всех времен, возник раньше, чем любые писанные законы, раньше, чем возникла какая-либо форма правления (Цицерон, «О законах», I, 6, 18—19).

Далее Цицерон, подчеркивая преемственность между обоими своими трактатами, говорит, что все законы необходимо сообразовать с тем республиканским устройством, превосходство которого было доказано Сципионом (Цицерон, «О законах», I, 6, 20). После этого он переходит к рассмотрению вопроса о законах как главной связи между людьми и божеством. «Так как лучше разума нет ничего и он присущ и человеку, и божеству, то первая связь между человеком и божеством — в разуме». Но разум есть закон; следовательно, люди связаны с богами также и законом. **А все те, кто связан между собой общими правами и законами, представляют собой единую общину (civitas). Поэтому весь мир можно рассматривать как единую общину богов и людей («О законах», I, 6, 23).**

Затем следует доказательство того, что все люди похожи друг на друга и равны друг другу в гражданских правах. «Каково бы ни было определение, даваемое человеку, — говорит Цицерон, — оно одно действительно по отношению ко всем людям». Это и есть достаточное доказательство в пользу того, что между людьми нет никакого различия; если бы такое различие существовало, то одно единственное определение не охватывало бы всех людей («О законах», I, 10, 29—30).

И наконец, в трактате проводится еще одна важная мысль. Сначала ее в общей форме высказывает Аттик: «Во-первых, мы снабжены и украшены как бы дарами богов; во-вторых, у людей существует лишь одно равное для всех и общее правило жизни, и все они связаны, так сказать, природным чувством снисходительности и благожелательности, а также и общностью права» («О законах», I, 13, 35).

Таким образом, чувство социальной общности, влечение людей друг к другу тоже заложено в самой природе и тесно связано с понятием справедливости. **«Справедливости вообще не существует, если она не основана на природе, а та, которая устанавливается в расчете на пользу, уничтожается из соображений другой пользы»** . *Как мы знаем, Цицерон решил "задачу справедливости" методом "от противного", определив справедливость как состояние отсутствия несправедливости, с которой и надлежит бороться.*

Более того, если не считать природу основанием права и законов, то все доблести-добродетели (вирту) — благородство, любовь к отчизне, чувство долга,

желание служить ближнему, чувство благодарности — все это уничтожается, ибо подобные чувства возникли и могли возникнуть лишь потому, что «мы, по природе своей, склонны любить людей, а это и есть основа права» (Цицерон, «О законах», I, 15, 42—43; ср. I, 10, 29)

. Итак, основа права — не мнения людей, но природа, не писанные законы, созданные людьми, но природный, естественный закон, который одновременно есть высший разум, справедливость и который служит связующей нитью между людьми и богами. И только руководствуясь им, люди способны отличать право от бесправия, честное от позорного («О законах», I, 16, 44), доброе от злого и стремиться к праву и к тому, что честно и справедливо, ради самих этих доблестей («О законах», I, 18, 48). Ибо нет на свете ничего более несправедливого, чем желание награды или платы за справедливость («О законах», I, 18, 49).

О множественности (**политии**). Цицерон не только постоянно ссылается на множественность смыслов, но и сам показывает примеры типично политийного мировосприятия. Так, например, говоря о происхождении термина „*legem*“ - закон, который надо отличать от „*ius*“ - право (ты глянь - он тоже в смыслах слов копался!) он предлагает два варианта: от греческого „*νόμος*“ - „предоставление каждому своего“; либо от латинского „*legendo*“ - собирать, выбирать. И тут же говорит, что И одно И другое толкование - верно, при правильном понимании происхождения Права (Ibid. I, 19) Шутник, однако!))))

Кстати о цицероновском понимании происхождения права. Он воспринимает его, как „проистекающего“ (буквально - „продиктованного“) из Природы - Богам и людям. Т.е. божественно-человеческие множества (именно во множественном числе!) пребывают в единстве/общности/общине в Праве. А формализация права в политийные, динамические законы, представляется таким же логичным и естественным процессом. Ну, очень перекликается с пониманием Права Алексеевым, и многими нынешними представителями республиканских течений.

Таковы основные положения теории естественного права, развиваемые Цицероном в трактате «О законах». Как самый характер этих идей, так и непосредственные указания автора свидетельствуют о том, что данный трактат — логическое развитие и

дополнение диалога «О Республике». Если же иметь в виду основные принципиальные положения этого первого трактата, т. е. учение о наилучшем устройстве страны и учение о республиканском деятеле, то все эти взятые вместе отправные посылки политико-философских воззрений Цицерона можно рассматривать как ту базу, тот фундамент, на котором возведено единое здание обоих диалогов.

* * *

Когда говорят о Цицероне как философе, то почти всегда отмечают, что он был эклектиком. Но если это и так, то все же нет никаких оснований считать его только компилятором. Отношение Цицерона к своим источникам сложное, иногда переходящее в прямую полемику. Нам трудно судить об этом в тех случаях, когда самые источники до нас не дошли или дошли в незначительных фрагментах и пересказе (Хрисипп, Панэтий, Посидоний, Антиох Аскалонский), но когда речь идет о таких источниках, как Полибий или Платон, то отношение к ним со стороны Цицерона может быть показано на ряде примеров и достаточно наглядно.

Что касается Полибия и центрального раздела его историко-философской концепции — учения о смешанном устройстве страны, то Цицерон, как мы уже могли убедиться, во многом следует этому своему источнику. Пожалуй, наиболее важным в данном случае следует считать то обстоятельство, что он примыкает к Полибию в своем стремлении видеть смешанный строй осуществленным на историческом примере Римской Республики.

Однако, следуя в этом вопросе Полибию, Цицерон все же иногда отходит от него в сторону. Так, для Полибия круговорот простых форм (ανακύκλισις) обусловлен, собственно говоря, единственной причиной — неустойчивостью этих форм. Цицерон же, рассуждая об устоях смешанного устройства, на первое место ставит **«великое равенство» (aequabilitas magna) и только потом переходит к «прочности» (firmitudo)**. Конечно, Цицерон понимает это «великое равенство» достаточно своеобразно. Это, безусловно, не равенство в области имущественных отношений или в смысле равенства способностей, но, скорее, **равенство прав, предполагающее, однако, определенную градацию «по достоинству, по "аристосу».** То есть вход по аристократии (меритократии), выход по республике.

Но как бы то ни было, для Цицерона основная причина круговорота простых форм лежит более глубоко, чем для Полибия, — в нравственных устоях страны, как исторически сложившихся.. Как было в свое время правильно замечено, Цицерон потому и оценивает столь положительно смешанное устройство, что только оно одно, с его точки зрения, **способно выразить идею справедливости, разложенную между моно, аристократом и публикой.**

Таким образом, Цицерон отходит от полибиева «биологического» схематизма, особенно в тех случаях, когда он говорит о возможности для политического деятеля влиять на смену форм правления и даже, в какой-то мере, ее направлять. Кроме того, у Полибия прочность смешанного устройства соотнесена лишь с естественной порой его «процветания» (т. е. опять-таки определяется «биологическими» факторами), тогда как Цицерон допускает в принципе «вечное» существование Республики со смешанным устройством. Такой Республики ничто не может поколебать или разрушить, если только не какие-то роковые ошибки его руководителей.

Своеобразное отношение Цицерона к своим источникам еще более ярко проявляется, если обратиться к вопросу о влиянии Платона. Последнее отнюдь не исчерпывается только теми случаями (кстати сказать, довольно многочисленными), когда сам Цицерон его отмечает и подчеркивает. Более того, оно также может быть прослежено, так сказать, по двум противоположным направлениям: там, где Цицерон следует за своими источниками, и там, где он фактически с ними полемизирует.

Прежде всего принципиально различным оказывается — и об этом уже вскользь говорилось — общее представление о Республике. Если идеальная ПОЛИТИЯ Платона («Полития» и даже, в какой-то степени, «Законы») имеет значение лишь абсолютной (и отвлеченной) нормы, то совершенная Республика Цицерона есть построение, пригодное именно для Рима и даже связанное с определенной исторической эпохой. **ПОЛИТИЯ Платона — идея, Республика Цицерона — историческая реальность, которая сложилась от момента правления децимвиров и законов 10 (12) таблиц до, по одному мнению, Гракхов, или, по другому мнению, Суллы)**

Исходя из посылки, что
res publica est res populi

Цицерон рассматривает развитие и смену простых форм не вообще, а на примере истории Рима. Основными пороками этих форм, как только что говорилось, являются их «несправедливость», их неустойчивость, и только смешанная форма может считаться и справедливой, и устойчивой, причем эта устойчивость превращается у Цицерона в незыблемость и даже вечность. «Ибо Республика, — пишет он, — должна быть устроена

так, чтобы быть вечной» («О Республике», III, 23, 34); или: «Я все же тревожусь за наших потомков и за бессмертие республики, которое могло бы быть вечным, если бы люди жили по заветам и обычаям отцов» («О Республике», III, 29, 41). Последнее утверждение является «типично римским» и, в качестве такового, почти *locus communis*: развитие этой мысли мы находим и у Вергилия («Энеида», I, 269), и у Горация (Оды, III, 5, 30), а по свидетельству Светония — даже у самого Августа в период перехода от принципата к доминату (имперские формы) (Светоний, «Август», XI, 21).

Цицерон дополнил свой труд «О республике» вторым сочинением «О законах», следуя образцу в виде платоновых диалогов. К этому, несомненно, можно добавить, что сама литературная форма диалога тоже заимствована у Платона. Однако и на этом примере нетрудно показать своеобразное отношение Цицерона к своим источникам. Так, если в диалоге «О Республике» имеются чисто внешние и формальные «совпадения» с «Политией», то даже и в этих случаях все переделано на «римский лад». У Платона диалог происходит на празднике фракийской богини, в доме у человека, не являющегося даже гражданином Афин, у Цицерона — во время Латинских празднеств, в доме первого гражданина и государственного деятеля Сципиона Эмилиана. Это придает всему диалогу чисто римскую окраску. Платон, как известно, заключает свой диалог апофеозом, в котором выступает некий воин, павший в бою и очнувшийся от десятидневной очевидной смерти; Цицерон дает в заключение беседу между двумя героями Рима и мотивирует ее введение вполне правдоподобным образом, т. е. сновидением. У Платона произведение кончается апофеозом философа, у Цицерона — апофеозом республиканского магистрата-управленца как публичного деятеля.

Кроме того, когда мы говорим, что Цицерон был сторонником «сенатской республики» или «заветов отцов (патрициев)», то это не следует понимать в том смысле, что он был выразителем интересов выродившейся из партициев-патриотов сенатской олигархии, которая занимала наиболее консервативные, реакционные позиции. В его понимании «сенатская республика» — это тот строй, существовавший в «эпоху процветания», когда с руководящей ролью сената (и магистратов) разумно сочетались элементы политии-республики (т. е. было осуществлено смешанное республиканское устройство без монарха, но с публикой и аристократией). **Недаром Цицерон все же считает нужным возразить своему брату Квинту, когда тот в диалоге «О законах» обрушивается на власть плебейских трибунов, как на наиболее типичный и, вместе с тем, по мнению Квинта, наиболее пагубный элемент строя («О законах», III, 8, 18 — 10, 24). Ибо схема правления, не замкнутая отрицательными обратными связями - реально плохо работоспособна.**

Таким образом, Цицерон выступает перед нами как выразитель умеренно-консервативных (консерваторы современности - одна из побочных республиканских ветвей) и «интеллигентных» кругов римского республиканского класса. Его лозунги **concordia ordinum** и **consensus bonorum omnium** (рассмотрим позднее))) имели достаточно четко выраженный политический смысл и направление. Учение же о наилучшем республиканском устройстве (в той его части, где речь идет о смешении некоторых элементов «простых форм»), как и учение об естественном праве (в той его части, где подчеркивается идея социальной общности и естественного стремления людей друг к другу) — эти принципиальные положения служили теоретическим обоснованием республиканских лозунгов, которые применялись республиканцами и, в частности, Цицероном в его политической практике, и применяются республиканцами до сих пор.